Наталья Калинина
Малиновый запах надежды

Наталья Дмитриевна Калинина
Малиновый запах надежды

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184040
Эксмо;
ISBN 978-5-699-33183-3

Аннотация

Жизнь Саши течет по обычному руслу. Дом – работа, работа – дом. Но все меняется, когда на ее пути появляется незнакомец, так похожий на человека, которого она когда-то страстно любила. Чтобы разобраться в себе и разорвать сплетающуюся вокруг нее паутину ужаса, девушка вынуждена совершить путешествие в собственное прошлое и встретиться с самой смертью.

Найдется ли в сердце место надежде, когда пробил час и уже почти не осталось ни веры, ни любви?

Содержание

I 4
II 28
III 54
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Наталья Калинина
Малиновый запах надежды

I

Лелик был, как обычно, пунктуален: ровно в шесть вечера его понтовый джип, прозванный мной монстром, уже караулил меня во дворе офисного здания. И сам хозяин джипа, обнимаясь с букетом непременно бордовых роз (какая банальность!), терпеливо ожидал в пропахшем туалетной водой салоне. Пунктуальность, розы, прозвище Мартышка, туалетная вода, робкий поцелуй в щеку при встрече – это Лелик за мной ухаживал. Я тоже была в своем репертуаре – опоздавшая, чуть насмешливая и чуть капризная.

– Опять розы, Лелик! Ну, хоть бы раз кактусы подарил! – засмеялась я, небрежно бросая «королевский» букет на заднее сиденье машины.

Мой спутник, не оценив иронии, растерянно захлопал ресницами. «А розы чем хуже?..» – так и читалось на его круглой физиономии. «Обыденностью и шаблонностью!» – ответил ему мой смеющийся взгляд.

– Будут тебе кактусы, Мартышка. Когда-нибудь… – вздохнул Лелик и завел двигатель.

«Монстр» с удивительной для его габаритов поворотли-

востью вырулил из узкого дворика на шоссе.

Лелик был Леликом только для меня. Для всех остальных он оставался Леней, Леонидом или Леонидом Николаевичем. А «Лелик» – это моя месть за «Мартышку». Впрочем, новое имя Леонид Николаевич Туманов принял почти с детским восторгом, видимо, посчитал, что подобные прозвища сближают. Ох, надеялся, надеялся Леонид Николаевич, даже несмотря на мое категоричное заявление два месяца назад: «Лелик, между нами возможны лишь дружеские отношения, и точка!»

– Ты сегодня очень красивая! – сказал он, как обычно.

Я приподняла бровь, выражая этим не столько сомнения по поводу комплимента, сколько то, что считала начало разговора избитым.

– Стараюсь, – ответила ему и картинным жестом завела длинную асимметричную челку за ухо.

– Что нового на работе?

– Да так… – пожала я плечами. – Ничего. Пик спроса на путевки прошел, дела понемногу идут на спад. Сезонная закономерность!

– А как же бархатный сезон? – с удивлением спросил Лелик. – Люди ведь продолжают ездить на отдых!

– Продолжают, но уже не так массово, как в июле – августе. Вот за что я разлюбила лето! Все отправляются на курорты, а ты пашешь как проклятая в три силы, обеспечиваешь чужой отдых.

Я работала менеджером в турагентстве и, несмотря на несерьезные стенания, работой была довольна. Настолько, что, увлекшись, иногда могла рассказывать о ней часами. Лелик знал это, а потому поспешно перевел разговор, не дав теме из маленькой искорки разгореться до большого пламени:

– Куда поедем?

– Ужинать! Куда – мне все равно. Лишь бы вкусно и быстро, – торопливо попросила я и мысленно помолилась небесам, чтобы Лелику не взбрело в голову отвезти меня в какой-нибудь экзотический ресторан. Мне хотелось нормальной еды.

Леонид был консервативен, предсказуем и банален во всех проявлениях жизни, но только не в выборе еды и ресторанов. Покушать он любил – об этом простодушно ведало наметившееся брюшко, которое Лелик умело маскировал под ладно скроенными пиджаками, на скромных бирках которых значились нескромные имена дизайнеров, и задался целью перепробовать все кухни мира, включая экзотические. И видимо, считал, что я тоже разделяю его «хобби».

Однажды, еще в начале нашего знакомства, из желания произвести на меня впечатление Леонид отвез меня в некий ресторан, где с заговорщицким видом заказал одно из самых дорогих фирменных блюд. Что это было, я так и не поняла. Но до сих пор с содроганием вспоминаю нечто, извивающееся на зеленом листке салата в моей тарелке.

– Лелик, если ты опять вздумаешь порадовать меня экзо-

тикой, то лучше уж вези в «Макдоналдс». По крайней мере, гамбургеры не бегают. И уже не мяукают.

Леонид громко захохотал. Видимо, тоже вспомнил тот случай в ресторане и мой истошный визг, под аккомпанемент которого «еда» благополучно покинула тарелку. Собственными, между прочим, ножками.

– В обычный ресторан отвезу, Мартышка! Не волнуйся.

– То-то же.

Перед нами упорно мельтешил изношенный «Фольксваген», и Леня раздражался: ему не нравилось то, что эта ржавая «жестянка», как он обозвал автомобиль, «путается под ногами».

– «Поцеловать» его слегка в зад, чтобы знал, – проворчал он и посигналил, требуя от «Фольксвагена» перестроиться в правый ряд.

– И ты же виноватым окажешься. Оставь его в покое.

– Не оставлю! Мы торопимся кормить тебя. Ты, когда голодная, злая.

Против того чтобы меня накормить, я не возражала. Лелик посигналил во второй раз, и «Фольксваген», почти докатив до пешеходного перехода, послушно вильнул в сторону, но в то же мгновение истерично взвизгнул тормозами и резко затормозил прямо перед нами. И следом за этим так быстро, что я не успела вскрикнуть, последовал удар – звонкий и обещающий громкие разборки. Это Лелик, как и пожелал пару минут назад, «поцеловал»-таки «Фольксваген» в зад.

Не стесняясь моего присутствия, Леонид громко выругался, решительно распахнул дверь и вылез из салона разбираться.

Я помедлила и тоже вышла из машины: испугалась, что Лелик разнесет водителя «Фольксвагена» в пух и прах. Может, мое присутствие не даст ему разойтись? Но, оказавшись на проезжей части, застала неожиданную для меня картину: перед «Фольксвагеном» с разбитым лобовым стеклом лежал человек, а оба водителя, Лелик и хозяин легковушки, растерянно над ним замерли.

– Дела-а, – забыв о разборках, удивленно присвистнул Леонид и беспомощно оглянулся на меня.

Я отпихнула обоих мужчин и присела над сбитым пешеходом.

– Жив хоть? – Водитель «Фольксвагена» опустился рядом со мной.

Голос у него оказался несчастный, нервный, готовый вот-вот сорваться на истеричный визг. Видимо, его воображение уже ясно рисовало картину наказания, которое он понесет за сбитого пешехода.

– Не знаю, – покачала я головой и боязливо тронула пострадавшего за плечо.

Тот никак не отреагировал.

– Да что ты стоишь?! – оглянулась я на все так же растерянно почесывающего затылок Лелика. – Аптечку тащи! «Скорую» вызови!

Наверное, в другой ситуации – обычной, мой командный голос, которым я отдавала указания, удивил бы и Леню, и меня, но сейчас мы с ним словно поменялись ролями: он так некстати растерялся, во мне же проснулись способности командира. Лелик, не переча, послушно потрусил к «монстру».

– Откуда он только взялся?.. Дорога была свободная… Выскочил, я даже затормозить не успел… Жив хоть? Вот беда-то… А я уже почти к дому подъехал… И надо же…. – побабьи причитал водитель «Фольксвагена», в то время как я осторожно осматривала пострадавшего.

– Жив, – с облегчением выдохнула я, когда парень застонал.

Но действительность тут же лопнула, словно продырявленный шарик, стоило мне внимательней всмотреться в его залитое кровью лицо.

– Господи… Ты же ведь…

Я закрыла ладонью рот, испугавшись, что закричу. Резкая перемена в моем поведении оказалась слишком заметной, и кто-то рядом, но будто издалека тревожно спросил:

– Девушка, вам нехорошо?..

– Саш, ты чего?

И без того несчастный водитель «Фольксвагена», и Лелик с аптечкой в руках испуганно смотрели уже не на сбитого пешехода, а на меня.

Я медленно приходила в себя.

– В порядке.

Губы онемели и стали чужими.

В порядке, если не считать шока, который я испытала, узнав в этом парне любимого мной человека. Тима. Погибшего четыре года назад.

– Саш, отойди, – Лелик, обняв меня за плечи, заставил подняться на ноги и легонько оттеснил в сторону. – Зрелище не для слабонервных. Ты вон побледнела как.

У меня не хватило сил возмутиться. Очутившись за спинами мужчин, я в немом отупении смотрела, как они вдвоем пытаются оказать посильную помощь: Лелик куда-то названивал по мобильному телефону, второй водитель дрожащими руками копался в аптечке в поисках бинта.

– Саш, как ты там? – бросил на меня через плечо встревоженный взгляд Леонид.

– Нормально. Помощь нужна?

– Нет. Сейчас «Скорая» подъедет.

– Хорошо, – пространно ответила я и отошла к «монстру», уткнувшемуся тупым носом в зад «Фольксвагена».

Я не знала, куда себя девать, куда пойти и что сделать, лишь бы больше не стоять за спинами мужчин и не искать сходство в чертах лица этого парня и того, другого…

Наши аварийные машины создали «пробку», и вокруг стали собираться люди – пешеходы, водители останавливающихся машин. Зеваки. Любопытные, раздражающие мельтешением, ненужной суетой и бесполезными советами.

Опершись на приоткрытую дверцу джипа, я отстраненно

смотрела на происходящее, тщетно стараясь отогнать неясные, как размытый волной след на песке, воспоминания о том, что случилось четыре года назад. Время, как морская вода, сгладило их, лишив острых углов – подробностей.

Впрочем, подробности я не могла помнить, потому что пережила их не видя, уйдя на какой-то период в чернильную темноту беспамятства. И поэтому то, что произошло *тогда*, мне не вспоминалось, а представлялось. Наверное, тоже, как и сейчас, собралась толпа зевак и кто-то, как Лелик и водитель «Фольксвагена», суетился, неумело пытаясь помочь…

Очнулась от мыслей я лишь тогда, когда носилки с пострадавшим уже занесли в «Скорую». И, поддавшись непонятному порыву, рванулась к машине.

– Куда?! – опешил бородатый врач.

– Пожалуйста… – срывающимся голосом попросила я и умоляюще посмотрела на доктора. Безумный порыв. Безумный.

– Ладно, садись, – со вздохом сдался он и помог мне забраться в пахнущее лекарствами нутро машины.

– Саш, ты куда?! – услышала я за спиной изумленный крик Лелика, но даже не оглянулась.

По дороге в больницу мне не удалось рассмотреть сбитого машиной молодого человека. Медики закрывали его от меня, и я, не имея возможности видеть его лицо, разглядывала безвольно свесившуюся с носилок левую руку – полусогну-

тые пальцы, свежие ссадины на костяшках, выпирающие вены, маленькую родинку возле косточки. Воображение затеяло со мной жестокую игру, и мне, купившейся на его обман, казалось, что это рука Тима.

* * *

…В тот пряный, пахнущий медом и яблоками августовский день шесть лет назад я сидела на лавочке, испещренной надписями вроде «здесь был Вован», в сквере отвергшего меня университета и пыталась справиться с первым в жизни серьезным щелчком по носу. Жизнь казалась бессмысленной, пресной и тоскливо-безвкусной, как серое выходное платье моей деревенской тетки Нюры.

Конечно, все было не так ужасно, как мне думалось, я просто не нашла себя в списках поступивших на манящий формалиновым запахом препаратов и звенящий тонким стеклом пробирок биохимический факультет областного педвуза. Но в тот момент такой провал казался чуть ли не концом света.

Мне было 20 лет, я носила толстую, с руку толщиной, косу до пояса и еще не красила свои натурально-золотые волосы в различные оттенки рыжего. Была немного упитанней, чем сейчас, с мягкими ямочками на щеках-яблоках и почти не нуждалась в косметике, поскольку являлась счастливой обладательницей здорового румянца. В одежде предпочитала удобство и комфорт, но иногда позволяла себе туфли на

невысоком каблуке и прилегающие платья. Много читала, в основном переводную литературу. Не питала романтичных, свойственных барышням моего возраста иллюзий и была такой же дерзкой на язык, как и сейчас.

Тем летом я окончила педагогическое училище с красным дипломом. И, решив не останавливаться на достигнутом, подала документы в областной педвуз. Но провалилась.

Отличница-медалистка и одна из лучших студенток в училище, я никак не могла взять в толк, где же оплошала на вступительных экзаменах. Обиды не чувствовала, скорее безмерное удивление: учеба всегда была тем, что давалось мне легко.

И вот, сидя в сквере на лавочке, я пыталась придумать, что мне делать дальше. Вернуться в скучный провинциальный городишко, откуда я была родом, и устроиться воспитательницей в детский сад? Или остаться в этом городе, в который я приехала поступать в единственный на всю область педагогический университет, найти какую-нибудь работу вроде официантки в баре, а по вечерам ходить на подготовительные курсы, чтобы на следующий год вновь подать документы?

Так ничего и не придумав, я собралась было подняться и уйти, но меня остановил незнакомый голос:

– Привет! Если я присяду, не помешаю?

Вопрос был задан не с полагающейся ему вопросительной интонацией, а с утверждающей, будто его хозяин и мысли не

мог допустить, что его общество может кому-то помешать. Впрочем, веселый, несерьезный и летне-беззаботный тон начисто лишал вопрос отталкивающей самоуверенности. Я с любопытством оглянулась и увидела высокого молодого человека в синих джинсах и клетчатой красно-белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. В руках парень держал бутылку с газированной водой и булку.

– Не помешаете, – вежливо ответила я и подвинулась, но при этом понадеялась на то, что незнакомец не привяжется с разговором.

Не то чтобы мне не хотелось разговаривать, просто в молодом человеке я интуитивно угадала студента отвергнувшего меня вуза. И если парень заговорит о студенческой жизни, мне такой разговор в свете моего провала приятным не будет.

К сожалению, молодой человек оказался общительным. Нет, он не пристал с банальным вопросом: «Девушка, а как вас зовут?» Он неожиданно протянул мне булку в прозрачной обертке и спросил:

– Хочешь?

Я испуганно покосилась вначале на гостинец, потом – на улыбающегося незнакомца. Булкой на улице меня угощали впервые.

– Бери, не бойся, – засмеялся он. Видимо, выражение лица у меня и в самом деле было испуганным.

– Я похожа на жертву Бухенвальда, раз вызываю у незна-

комцев желание накормить меня? – без улыбки осведомилась я.

– Нет, хоть ты и стройная, на жертву Бухенвальда вовсе не тянешь. У тебя лицо грустное, и мне захотелось поднять тебе настроение. В кондитерской на углу выпечка самая вкусная в городе. Попробуй!

– Спасибо.

Я взяла из рук молодого человека еще теплую, видимо, только-только испеченную булку и, разломив ее, половину протянула обратно:

– Вот, это – ваше.

Какое-то время мы жевали молча. Булка и в самом деле оказалась очень вкусной, я проглотила свою половину и даже не заметила как.

Парень не приставал ко мне с расспросами. Он словно забыл обо мне, витая в своих мыслях и машинально отпивая воду из бутылки. И моих коротких взглядов, которые я украдкой бросала на него, не замечал.

Красивым он мне не показался, скорее наоборот. Во-первых, потому что брюнеты никогда не были в моем вкусе. Во-вторых, привлекательность профиля парня портил длинный, с небольшой горбинкой нос. В-третьих, носил незнакомец удлиненные волосы, которые небрежной волной падали ему на лицо. И пусть такая прическа шла ему и вкупе с двухдневной небритостью придавала богемный вид, мне не нравился подобный стиль. Я всегда была за короткие мужские стриж-

ки и гладко выбритые подбородки.

– Не поступила? – вдруг развернулся он ко мне.

Вопрос застал меня врасплох, и я от неожиданности кивнула.

– Не нашла себя в списках, значит, не поступила, – зачем-то добавила после короткой паузы.

– Не конец света, – уверенно сказал молодой человек.

Я могла бы возмутиться, грубо спросить: «А твое какое дело?», усмехнуться или еще как-то проявить негативное отношение к подобным утешениям. Но промолчала, потому что слова парня, удивительно, нисколько не задели меня. Наоборот, мне в тот момент, как оказалось, не хватало именно такой короткой и уверенной фразы. Да, не конец света.

– Хотя странно. То, что не поступила, – грустно засмеялась я.

И парень снова угадал, о чем я:

– Отличница?

Я кивнула.

– Значит, не просто «красавица, комсомолка, спортсменка и просто хорошая девушка», но еще и отличница. А нука пойдем!

– Куда? – удивленно глянула я на вставшего с лавочки незнакомца.

– Куда-куда, – передразнил он меня и усмехнулся. – Еще раз списки поступивших смотреть!

И я, подчинившись, послушно поплелась за ним.

– Как твоя фамилия? – спросил меня парень, когда мы вновь вошли в фойе института, где на доске объявлений были вывешены списки зачисленных на первый курс.

– Кушакова.

– На какой факультет поступала?

Я назвала, и молодой человек обрадовался:

– О! Я тоже на биохиме учусь!

– И поступали в этом году?

– Нет, на последний курс перешел, – ответил он. – Значит, Кушакова?

– Нет меня в списках, чего смотреть, – насупилась я.

Почему-то стало стыдно и неловко перед незнакомцем. Видимо, потому что он уже оканчивал университет, а я даже не поступила.

– Действительно, нет.

– Я же гово…

– Погоди! А Ушакова Александра Игоревна случайно не ты?

– Я не Ушакова, я – Ку-ша-ко-ва, – машинально поправила я парня, все еще не догадываясь, что он имеет в виду.

– Но Александра Игоревна – ты?

– Я…

– Ну, значит, поздравляю вас, Александра Игоревна Кушакова-Ушакова! – засмеялся молодой человек. – Ты-то – отличница, а вот тот, кто печатал этот список, – двоечник. Первую букву в твоей фамилии потерял!

Разволновавшись и боясь поверить в такой неожиданный поворот сюжета, я слепо пыталась перечитать список. И не сразу, но обнаружила свою видоизмененную фамилию.

– Но как… Как ты понял, что я могу быть в списках?

От волнения и постепенно заполняющей легкие горячей радости я перешла на «ты».

– Интуиция! – засмеялся парень. – Со мной тоже произошло нечто подобное. Правда, фамилию мою написали верно, но от волнения я себя не в том списке искал.

Я глупо улыбалась и все еще недоверчиво переводила взгляд с прикрепленного к старой доске листка бумаги, в котором значилась моя и как бы не моя фамилия, на моего спасителя. А вот бы уехала, решив, что не поступила в университет!

– Мне тебя сам бог послал, – расчувствовавшись, выдала я неожиданно смутившемуся молодому человеку.

Знала бы в тот момент, как оказалась права. Но тогда я могла думать лишь о новом статусе студентки.

– А вдруг это ошибка? – спохватилась я запоздало, когда первый прилив шокирующей радости немного схлынул. – И Ушакова Александра Игоревна – вовсе не я, а другая девушка?

– Вряд ли, – уверенно отозвался молодой человек. – Но если хочешь, давай поднимемся в деканат, развеем твои сомнения.

И я безропотно отправилась за ним. Мы шли куда-то

длинным неотремонтированным коридором по скрипучему, стертому и местами продавленному деревянному полу. Потом поднимались по чугунной винтовой лестнице: парень – уверенно впереди, я – сзади, с интересом оглядывая стены. В тот чудесный момент своего триумфа я не замечала убогой обстановки старого здания, кричащего о ремонте, не видела облупившейся на стенах краски и желтых разводов на бывшем когда-то белым потолке. Здание мне казалось прекрасным уже потому, что я собиралась в нем учиться.

– Кстати, меня Тимом зовут, – оглянулся с улыбкой молодой человек.

– Тим – это Тимур? – уточнила я.

– Нет, Тимофей. Но я терпеть не могу свое полное имя, кошачье оно какое-то. Все зовут меня Тимом.

– Ага, – из вежливости ответила я, подумав, что вряд ли отнесусь к этим «всем» просто потому, что наша встреча так и останется коротким эпизодом, а знакомство не перерастет не только в дружбу, но даже в шапочное приятельство…

* * *

…Вернулась я домой почти ни с чем: мне так и не удалось узнать что-либо о пострадавшем в аварии парне, лишь то, что состояние его оценили как тяжелое. Ни имени, ни фамилии, ни адреса: при нем не оказалось документов. Я просидела в больничном коридоре в ожидании вестей час или

полтора, потом оставила медсестре свой телефон и зачем-то адрес и, решив про себя, что завтра вновь приеду, ушла.

На мобильном оказалось три пропущенных звонка от Леонида, но я, понимая, что поступаю эгоистично, решила перезвонить позже, когда остынет расплавленная ожившими воспоминаниями лава мыслей.

Однако едва я успела переодеться в домашнюю одежду, как в дверь позвонили. Это был Лелик. Обескураженный, немного сердитый и испуганный. Это ему категорически не шло – быть испуганным.

– Тебе не идет, – так и сказала я, пропуская его в квартиру. Физиономия Лелика, обычно круглая, от удивления вытянулась и напомнила мне продолговатую ташкентскую дыню. Наверное, в другое время это было бы смешно – «дынная» физиономия растерянного Лелика, но не сейчас.

– Что – не идет? – непонимающе переспросил он.

– Быть напуганным. Это тебе не идет.

Я оставила его в коридоре разуваться и отправилась на кухню ставить чайник.

– Черт возьми, Александра! – воскликнул раздраженно Леонид, появляясь на кухне. Кажется, он впервые назвал меня полным именем. – Что это за выкрутасы были? Я такого представления от тебя не ожидал! Сорвалась и помчалась. Куда, спрашивается? На кой ляд?

– Туда и на тот ляд, – пожала я плечами. Негодование Лелика странным образом немного привело меня в чувство. –

С ментами и водителем разобрался? И что там с машиной?

– Разобрался, – махнул рукой он. – С машиной ничего серьезного, к тому же она у меня застрахована. А мужика-водителя немного жаль.

Я промолчала и включила наполненный свежей водой электрический чайник.

– Как там парень, узнала? – спросил Леонид, чтобы получить от меня хоть какой-то ответ.

– Узнала. Фигово, – произнесла я, не поворачиваясь, чтобы он не смог прочитать на моем лице весь спектр ненужных эмоций. Он бы не понял.

– М-да-а, не повезло парнишке! И мужику – тоже. Обоим не повезло. Се ля ви, – Лелик иногда пытался быть философом. – Ты так и не объяснила, на кой дернулась в эту «Скорую».

Я пожала плечами и, потрогав ладонью чайник, спросила:

– Лелик, у тебя есть сигареты?

– Ну, есть…

Он послушно вытащил из кармана сине-белую пачку, но тут же спохватился и грозным тоном строгого папочки провозгласил:

– Ты же не куришь!

– Не курю, – согласилась я и повернулась к нему. – Но все равно дай. Одну.

– Мартышка, что произошло? – нахмурился Леня и подался корпусом ко мне. – Ты… какая-то странная. Словно

заторможенная. На тебя такое впечатление авария произвела?

Я кивнула, хватаясь за этот предлог – увиденную аварию, – как за удобный поручень. И неожиданно почувствовала, как на глаза наворачиваются так и не выплаканные когда-то слезы. Вот тебе и «черствая девочка», «железная кнопка» – надуманный имидж, который грозил расползтись клочками, как упавшая в воду бумажная салфетка. Разреветься при Лелике – этого мне еще не хватало.

– Леня, я хочу побыть одна, – торопливо попросила я его. И мысленно помолилась небесам, чтобы Лелик меня послушался.

– Ладно, Мартышка, – сдался он после видимых колебаний. – Оставлю тебя, как хочешь. Надеюсь, все обойдется без глупостей?

Не знаю, что он имел в виду под «глупостями», но я, тихо радуясь тому, что останусь сейчас одна, кивнула. Леня с красноречивым сожалением покосился на чайник и отправился в коридор. Сигарет он мне так и не оставил. Наверное, в отместку за то, что я не предложила ему выпить чаю.

Но побыть в одиночестве мне так и не удалось. В тот момент, когда я уселась с чашкой чая за стол и, зажмурившись, втянула в себя пахнущий бергамотом пар, в дверь вновь позвонили. Решив, что это вернулся Леонид, я с сожалением отставила чашку и отправилась открывать. Но на пороге стояла Лейла – моя подруга и соседка. Поправив на полной, кор-

мящей груди халатик, она застенчиво улыбнулась:

– Добрый вечер, Саша! Извини, если помешала, но у меня к тебе просьба…

– Входи, – гостеприимно пригласила я. – Чаю вместе выпьем!

– Я ненадолго, маленького на свекровь оставила, – предупредила Лейла, но, однако, вошла.

– Ничего, потерпит твоя свекровь, – беззлобно усмехнулась я, доставая из шкафчика вторую чашку и наливая в нее заварки.

Тамара Сергеевна – свекровь Лейлы – была приятной женщиной, с невесткой ладила. По-крайней мере, жалоб на нее я от подруги никогда не слышала. Впрочем, Лейла была женщиной восточной, и может быть, в их культуре не принято перемывать свекровям косточки даже с подругами?

– Ко мне брат с женой на пару дней приезжают, – вздохнула Лейла.

И по ее тону я поняла, что все же конфликт со свекровью на эту тему был. Да оно и немудрено. Вряд ли Тамара Сергеевна пришла в восторг от предстоящего приезда родственников своей невестки.

– На несколько дней, потом уедут. Но места у нас мало…

– Ты хочешь сама попроситься на ночлег или свекровь временно ко мне отселить? – с иронией поинтересовалась я.

Лейла шутки не поняла и испуганно вскинула на меня оленьи глаза с мягкими пушистыми ресницами:

– Нет, что ты, что ты! Я лишь хочу попросить у тебя надувной матрас! Он ведь у тебя есть?

Матрас у меня действительно был – собственность хозяйки, у которой я снимала эту однокомнатную квартирку.

– Одолжишь? А я для тебя сделаю все, что только пожелаешь! – великодушно пообещала Лейла, заглядывая мне в глаза.

Просить она не любила и не умела.

– Ну, это ты махнула – «все, что пожелаешь»! Забирай матрас и так.

– Ой, спасибо…

– Лейл, а может, погадаешь мне? – неожиданно для себя и для нее попросила я.

Лейла рассказывала, что бабушка научила ее читать прошлое и будущее по картам, и пару раз предлагала погадать мне, но я отказывалась.

– Сейчас? – округлила глаза подруга и испуганно оглянулась на дверь, будто в этот момент на кухню могли войти свекровь или муж.

Как-то Серега, муж Лейлы, при мне неловко пошутил на тему способностей жены, после чего Лейла старалась при нем и Тамаре Сергеевне не говорить о картах.

– Сейчас, – твердо сказала я.

То ли благодаря прозвучавшей в моем голосе решимости, то ли в знак благодарности за матрас подруга встала, молча вышла из моей квартиры и уже через минуту вернулась.

– Задай вопрос, – попросила она меня, тасуя карты.

– Не знаю, что спросить, Лейла, – призналась я, все еще удивляясь своему странному порыву, ведь гаданиям я не верила. – Просто скажи, что меня ждет.

– Работа, – ответила подруга, выкладывая первую карту. – Здесь все без изменений, по крайней мере, не вижу перемен.

– Уже на том спасибо, – усмехнулась я. Менять работу пока не собиралась.

– …Дорога дальняя, но лучше не ехать. Дорога ведет в прошлое, а жить надо будущим. Не возвращайся в прошлое, как бы оно тебя ни манило. Два короля около тебя, оба близко. Один из них тянется к тебе, да ты не подпускаешь. Он хороший человек, у вас может что-то быть, очень скоро. Второй… Вот второй очень много будет значить в твоей жизни. Или значил? Нечетко вижу. Будет он в твоем будущем, но связан с прошлым.

Сердце мое на мгновение замерло и тут же забилось в тройном ритме, кровь прихлынула к щекам.

– А подробней, Лейла, на этого короля?

Подруга послушно выложила еще одну карту и вздохнула:

– Не желают говорить. Либо еще рано тебе знать, либо вообще знать не стоит.

– То есть как это «знать не стоит»?! – возмутилась я. – Для этого и гадаю!

Лейла ничего не ответила, лишь загадочно улыбнулась, сгребла карты со стола, перетасовала их и вновь выложила

причудливый веер. Долго сидела над ним, размышляя, после чего быстро глянула на меня и серьезно произнесла:

– Саш, послушай меня. Я вижу два пути. Один ведет к тихой, без вулкана страстей, но вполне стабильной жизни. Тебе только стоит принять предложение мужчины, который окажется рядом. Второй путь ведет в прошлое. Будет великий соблазн пойти по нему, но не поддавайся на провокации. Я увидела твое прошлое, оно страшное, и, если попытаешься вернуться в него, погибнешь. Считай, карты предупредили.

– Вот так погадали, – растерянно протянула я, в то время когда Лейла торопливо убирала карты в коробочку, а коробочку – в карман халата.

– Как погадали, так погадали, – то ли обиделась, то ли рассердилась она.

– Извини, не хотела тебя обидеть!

– Я не обиделась. Я обеспокоилась. Оставь прошлое в покое, Саша. Ты чудом вырвалась из него. Впереди у тебя другая жизнь, светлая… Я настоятельно рекомендую принять предложение, которое скоро поступит. Это тебя спасет. Спасибо за чай! Пойду я, а то маленький у меня один.

– Не один, а со свекровью, – напомнила я.

– Какая разница. Так Сергей зайдет за матрасом?

– Конечно!

– Спасибо! Скажу ему, – обрадовалась подруга.

Она ушла, а я еще долго сидела на кухне, думая над ее словами. Лейла многое могла бы увидеть в картах, но вряд

ли больше того, что я сама знала. Моим горько-сладким прошлым, вязким настоящим и разбитым будущим был Тим.

II

В эту бесконечную и трезвую, несмотря на выпитую бутылку вина, ночь я почти не спала, вновь и вновь переживая наслаивающийся на хаотичные воспоминания из прошлого эпизод с ДТП. А когда прозвенел будильник, машинально собралась на работу и вышла на улицу.

Асфальт леденцово блестел свежими лужами. И я, резво перепрыгивая их, убеждалась в мысли, что за эту ночь прошла целая жизнь. Даже осень состарилась, превратившись из легкомысленной солнечно-улыбчивой девушки с золотыми листьями-веснушками в хмурую седую старуху, щедро оплакавшую свое стремительное старение проливным дождем. Я, глядя на умирающие в грязных лужах желтые листья, тоже чувствовала себя кленовым листом, когда-то сочным и полным жизненных сил, а сейчас высохшим, с сохранившейся внешней оболочкой, но уже отмершей сердцевиной.

Рабочий день начался с проблем. Едва я появилась на пороге офиса, как уже находившаяся за своим столом начальница Валентина объявила, что работать нам придется вдвоем – заболела другая сотрудница, Ирина.

– Когда она выйдет? – без энтузиазма поинтересовалась я. Конечно, сейчас уже не летний сезон, но работы хватало. Впрочем, в том, что мне сегодня придется потрудиться

за двоих, тоже был свой плюс: занятая делом, отвлекусь от ненужных воспоминаний.

– Пообещала быть завтра, сказала, что чем-то отравилась.

Ответив мне, Валентина принялась печатать на компьютере с таким яростным стуком, будто пыталась вбить клавиши в стол. А я сняла трубки телефонов, зазвонивших одновременно и на моем столе, и на столе заболевшей напарницы.

Сначала мне пришлось разбираться с Ириными клиентами, оставшимися недовольными путешествием. Претензии были скорей раздутыми и не тянули на уровень международного конфликта, однако клиенты попались очень скандальными, и история со сломавшимся в номере телевизором в их интерпретации выглядела вселенской катастрофой. Парочка успела поругаться и в отеле, после чего в этот же вечер получила другой номер с работающим телевизором, и для порядка – выдвинуть претензии и нашему агентству. Я с трудом сдержалась, чтобы не отправить скандалистов в бонусный «пеший эротический тур» без телевизора и кондиционера. Остановил лишь встревоженный взгляд начальницы.

Дальше работы, несмотря на межсезонье, навалилось столько, что не осталось времени даже на нормальный обед. Мы с Валентиной, воспользовавшись короткой трехминутной паузой, когда в офисе не оказалось клиентов, торопливо перекусили бутербродами и вновь завертелись в рабочем вихре телефонных звонков, поисков и оформлений туров, переговоров с авиакомпаниями и туроператорами.

В этом туристическом агентстве с многообещающим названием «Парадиз» я работала три года. Это была моя вторая столичная работа, первой же оказалась должность нянечки в детском саду в одном из окраинных районов Москвы. Нянечкой работать меня устроила Мария Федоровна, у которой я первое время по приезде в Москву снимала комнату. Я где-то с год проработала в саду, а потом, прочитав в газете объявление о свободных вакансиях в туристическом агентстве, пришла на собеседование.

Удивительно, но меня взяли, хоть у меня и не было опыта работы в этой сфере. Я быстро вникла в новое дело. Чуть позже, сняв однокомнатную квартиру, в которой и живу, я съехала от гостеприимной старушки Марии Федоровны. Но иногда – по выходным или праздникам – покупаю гостинцы и еду ее навещать.

– …Девушка-красавица, посмотрите, пожалуйста, дали ли мне визу во Францию, – раздался в телефонной трубке мужской голос – сочный, глубокий и с веселыми интонациями, будто мужчина пребывал в таком хорошем расположении духа, что даже решил позволить себе небольшой флирт по телефону.

– Без проблем! – бодро ответила я, невольно заразившись игривыми нотками в голосе позвонившего. – Ваша фамилия?.. Имя?..

– Лазарин. Тимофей.

Руки так и зависли над клавиатурой.

* * *

…После первой встречи с Тимом в институтском сквере прошло больше месяца, прежде чем мы увиделись вновь. Признаться, я и думать забыла о случайном знакомом, который оказал мне неоценимую услугу. Завертелась в суете учебных будней, из-за новизны казавшихся праздниками. Утром уходила в университет и возвращалась в общежитие почти к вечеру: учебная программа первокурсников оказалась довольно насыщенной.

В общежитии меня поселили на четвертом этаже – одном из двух этажей, отданных студентам естественно-экологического факультета. Моей соседкой по комнате оказалась старшекурсница с географического отделения. Мне с ней повезло: Марина была девушкой серьезной, ее тоже, как и меня, больше интересовала учеба, чем студенческие угарные вечеринки, молодых людей она к себе не приглашала, так как уже была замужем. Ко мне относилась без снисхождения старшекурсницы к первокурснице, потому что разница в возрасте у нас была всего полтора года: Марина поступила в университет в семнадцать лет, я же, как упоминала раньше, в двадцать. Подругами мы с ней не стали, но отношения между нами на протяжении того года, в течение которого мы делили комнату, складывались легкие и довольно теплые.

В тот день мы с Мариной обедали вместе в шумной сту-

денческой столовой, где воздух пропитался тошнотворными запахами пригорелой еды, квашеной капусты и жареной рыбы. Обычно во время большого перерыва мы обе возвращались на обед в общежитие. Но, помнится, в тот день был проливной дождь, выходить из здания совершенно не хотелось, и мы с Мариной независимо друг от друга приняли решение перекусить в столовой. Встретившись возле прилавка со снедью, купили по стакану компота, жареных пирожков и успели занять один из немногочисленных столиков.

Разговаривать нам особо было не о чем, все темы оказывались связаны с нашим незамысловатым бытом: что приготовить на ужин, чья очередь убирать комнату и кто первым пойдет в душ. Личным мы не делились, я лишь знала, что с мужем Марина видится лишь по выходным, когда уезжает в свой поселок. А мне рассказывать было нечего, потому что бойфренда у меня не было. Об учебе мы тоже не могли говорить, поскольку учились на разных отделениях, программа у нас была разная, преподаватели – тоже. Так что мы почти в полном молчании жевали свои пироги, скучали, посматривая на часы и изредка перебрасываясь ленивыми репликами.

Наше уединение было нарушено весьма неожиданным образом. От буфетной стойки отошел высокий молодой человек и, оглянувшись по сторонам в поисках свободного стола, направился к нашему.

– Привет! – жизнерадостно поприветствовал он меня, и я в нем не сразу, но узнала того, кто помог найти мою фами-

лию в списках поступивших.

Нет, оказанную мне помощь я не забыла. Просто лицо парня за время, прошедшее с первой встречи, выветрилось из памяти. К тому же он коротко остриг волосы и на этот раз был гладко выбрит.

– Привет! – поздоровалась я с ним под удивленным взглядом Марины.

– Ты меня помнишь? – поинтересовался молодой человек с лукавой улыбкой. Надо отдать должное – улыбка у него была красивая, делающая его не совсем привлекательное, на мой взгляд, лицо симпатичным.

– Тимур? – уверенно спросила я.

– Нет, Тимофей, – усмехнулся он. – Лучше – просто Тим. Можно, я к вам присяду?

В руках у него, как и в тот, первый раз, была булка, на что я довольно живо отреагировала:

– Опять будешь угощать?

– Если хочешь…

– Нет, спасибо, я уже поела.

Он пробыл в нашем обществе недолго, ровно столько, сколько необходимо, чтобы съесть небольшую булку и запить ее остывшим чаем. Скорей из вежливости, чем из интереса спросил об учебе и общежитии. И когда узнал, что меня поселили на четвертом этаже, обрадованно воскликнул:

– О! Так мы еще и соседи! Странно, что до сих пор не встретились. Впрочем, я только позавчера заселился в свою

комнату.

Марина в разговоре участия не принимала, хоть я и представила ее Тиму. И лишь когда тот, вежливо с нами попрощавшись, ушел, с непонятным мне восхищением протянула:

– Ну, ты шустра-а! Скромница наша. Когда успела с Лазариным познакомиться?

– С кем?

– С Тимом.

А я, в свою очередь, удивилась:

– Так ты его знаешь? А почему молчала?

– Ну, кто его не знает, «звезду» нашу, – засмеялась моя соседка. И не было понятно, произнесла ли она слово «звезда» с отрицательным оттенком или, наоборот, с положительным. – Первый парень на деревне, то есть в нашем универе. Половина девчонок по нему с ума сходит.

– И что же в нем пол-института девчонок находят? Он совсем не красавец! – скептически сморщила я нос.

Внешне Тим был абсолютно не в моем вкусе. Мое внимание привлек бы парень с по-мальчишески мягкими чертами лица, копной светло-русых волос и небесно-голубыми глазами, чем-то похожий на Леонардо Ди Каприо. Ничего общего с подобным типажом мой новый знакомый не имел. Разве что глаза у него были чистого синего цвета, как утреннее море.

– Ну, кто-то находит его очень даже привлекательным, – ухмыльнулась Марина. Ее забавлял наш разговор. Возмож-

но, потому, что она привыкла слышать о Тиме лишь восхищенные отзывы. – Думаю, что увлекаются им «за компанию» и в дань «моде». Хотя, если быть справедливой, харизмы и таланта Лазарину не занимать. Впрочем, как-нибудь сама поймешь.

Что имела в виду Марина, я узнала немного позже.

В нашем университете в начале октября был устроен концерт по случаю Дня учителя. Я не любила вечера студенческой самодеятельности. В педагогическом училище, помнится, тоже проходили подобные представления, на которые я поначалу ходила, а потом перестала – наскучило. Я бы не пошла и на тот концерт, но в последний момент меня уговорила сокурсница.

Представление было так себе: занудная торжественная речь, частушки, несмешные сценки. Я скучала, но моей приятельнице нравилось. Я высидела больше половины и, не выдержав, шепнула сокурснице, что собираюсь уйти.

– Как? Сашка… – огорчилась та столь искренне, что мне стало неудобно.

– Ну ладно, не уйду. Только выйду в туалет, хорошо?

В вестибюле было прохладно. Я присела на подоконник, чтобы с наслаждением подышать свежим воздухом, который после душной атмосферы битком набитого актового зала показался по-особенному вкусным. Таким вкусным бывает воздух накануне Нового года, только с примесью мандаринового аромата.

– Привет! – вдруг окликнули меня.

Я недовольно оглянулась на того, кто помешал моему уединению, и без особого энтузиазма поздоровалась:

– Салют.

– Что-то ты не в настроении, – заметил Тим, присаживаясь рядом со мной на подоконник.

– Да нет, почему же… В настроении. А вот концерт скучный. Мне не нравится.

– И чем же он тебе не нравится? – продолжал с улыбкой допытываться Тим.

«И что в нем харизматичного?» – подумалось мне. Напротив, он казался прилипчивым: ну разве не видит, что не настроена я разговаривать?

– Частушками! – выпалила я. – Терпеть не могу частушки, все эти «ой-люли-люли…». Неужели ничего новей придумать нельзя?

– А вот возьми и придумай! – засмеялся он, но мне показалось, будто я его чем-то задела. – В следующий раз позовем тебя в сценаристы. Придумаешь что-нибудь оригинальное.

– Хотя бы! – с вызовом дернула я плечом.

– Обиделась, что ли?

– На что обижаться?

– Какая ты колючая. Не надо быть такой, – сказал он уже серьезно, без улыбки, глядя мне прямо в глаза.

И от этого интимного взгляда я неожиданно смутилась и покраснела. И еще подумала, что, пожалуй, поняла бы тех

девчонок, которые попались, как на крючок, на морскую синеву его глаз.

– Какая уж есть, – пробурчала я еле слышно и отвела взгляд.

Тим хотел мне сказать что-то еще, но в этот момент его окликнул незнакомый мне парень довольно живописной внешности – с бородой и длинными нечесаными волосами, выкрашенными в черный цвет:

– Тим, харэ девчонку клеить, идешь?

– Иду.

И прежде чем уйти, Тим спросил меня:

– Ты вернешься на концерт?

– Что я там забыла, частушки?

– Хотя бы, – поддел он меня с лукавой усмешкой. И ушел.

Я вернулась в актовый зал уже под конец концерта, выполняя обещание, данное сокурснице.

Открывая тяжелую дверь, ожидала, что на меня выплеснутся очередные куплеты или претендующие на острую иронию диалоги, но то, что услышала, ввергло меня в шок. Я остановилась на пороге, в первое мгновение решив, что ошиблась дверью и попала не в университетский актовый зал, а в другое место. В другой мир. В тот мир, в котором был лишь этот сильный, гибкий голос с сексуальной хрипотцой, вызывающей мурашки по коже.

Моя скука, моя насмешливость разбились о него, и лишь короткой вспышкой мелькнула мысль – как же я жила рань-

ше, без этого голоса? Он будто наполнил волшебными красками мой мир, до этого существовавший лишь в виде простого карандашного наброска. Я так и осталась стоять в проходе, боясь неловким движением развеять чудесное наваждение.

Я даже не вслушивалась в слова песни. Они были не нужны – простые слова, казавшиеся бесцветными и плоскими по сравнению с многогранным объемным голосом, с филигранным мастерством выводящим сложную незнакомую мелодию. Я подсела сразу и бесповоротно на этот голос, как на сильный наркотик, понимая, что теперь без него жизнь станет жестокой ломкой.

Но мне уже не нужна была другая жизнь. Я впитывала эту отравляющую мое сердце магию, не сопротивляясь, требуя еще и еще. Не слыша слов, не разбирая нот, знала, что поется сейчас мне и обо мне. О моих чувствах, переживаниях, надеждах и мечтах. О моем прошлом, настоящем и будущем. О моих потерях и приобретениях. О моей любви. Иначе и быть не может.

С такими личными, слишком интимными интонациями, которые с легкостью открыли потайные замки моей души, запечатанные до этого семью секретами, не могло петься о ком-то другом. Этот голос вынул наружу мои сокровенные тайны, о существовании которых я ранее не подозревала. И взамен поделился своими. На секунду у меня мелькнула здравая мысль, что каждый сидящий в зале тоже, наверное,

испытывает подобные ощущения. На секунду – и пропала.

Когда смолкли финальные аккорды и оборвалась последняя нота, я еще какое-то время стояла в полном оцепенении, с жадной надеждой ожидая продолжения. Но моего слуха коснулись другие шумы – аплодисменты и выкрики, – разрушившие магию. И я наконец-то смогла взглянуть на сцену и *увидеть* пятерых ребят, которые играли эту музыку. До этого я была слепа, меня будто на время лишили зрения, чтобы обострить слух.

Первым я узнала длинноволосого бородача, которого встретила в холле. Парень восседал за барабанной установкой и имел полное право гордиться своей игрой. И хоть он не мог меня видеть, я поблагодарила его улыбкой. Клавишника и двоих гитаристов я видела впервые. А человек, стоявший возле микрофона, был Тим.

«Что он тут делает, в провинциальном педагогическом, с таким голосом?..» – подумала я с недоумением, которое сменилось смесью теплой радости и сладкой грусти.

– Спасибо, – чуть хрипловато поблагодарил зрителей Тим, снимая ремень гитары, и улыбнулся.

И под еще не полностью развеявшимся наваждением мне показалось, будто улыбнулся он мне лично. Хотя, конечно, видеть он меня не мог.

* * *

– …Девушка, девушка? Вы еще там? – встревоженный моим долгим молчанием, вопрошал в телефонную трубку мужчина, которого по какому-то роковому совпадению звали Тимофеем Лазариным.

– Да, – выдавила я. – Да, я здесь.

– Что-то случилось? Визу не дали? – беспокоился клиент.

– Ищу ваши документы, минуточку, – отговорилась я, метнулась к столу заболевшей напарницы и лихорадочно принялась рыться в папке с документами. Я могла бы посмотреть в компьютере, пришли ли паспорта из посольства, но мне хотелось увидеть документы лично – чтобы убедиться. В чем убедиться? В том, что этот Тимофей – не *мой* Тим?

Вот, вот его анкета. Взглянув на заполненные неровными буквами строчки, я вздохнула и с облегчением, и со странным разочарованием: этот мужчина, конечно же, никак не мог быть *моим* Тимом. Фамилия его была не «Лазарин», как мне послышалось, а «Азарин». Созвучные фамилии, отличающиеся лишь одной буквой. Немудрено, что я ослышалась, да еще в свете вчерашней аварии, которая разворошила уснувшие было воспоминания о Тиме. И все же, поддавшись любопытству, я пробежалась взглядом по заполненным строчкам анкеты, мысленно отмечая: почерк незнакомый, возраст клиента – сорок восемь лет, тогда как Тиму сейчас

был бы тридцать один год, женат, сотрудник агентства недвижимости…

– Да, визу вам дали, – объявила я заждавшемуся клиенту. – Вечером можете забрать паспорт, путевку и билеты.

– Спасибо, красавица! – обрадовался мужчина.

– Скажите, а вы… поете? – неожиданно спросила я, немало смутив его странным вопросом.

– Нет. Разве что иногда, как все, в д*у*ше. Или в душе, – засмеялся мужчина, справившись с изумлением. – А что, на паспортном контроле придется пограничникам гимн державы петь?

– Нет, гимн петь не придется, – успокоила я его. – Извините, просто вырвалось. Вас зовут как… одного певца. Ну, почти так. Вот и сорвалось с языка.

– Н-да, не слышал о таком певце. Он как Кобзон, Киркоров?

– Нет, он… рок-певец. Извините.

Дура, ну надо же, выдала… Поет ли он!

Я повесила трубку и прижала ладони к пылающим щекам.

– Эй, с тобой все в порядке? – окликнула меня начальница, выглядывая из-за своего монитора.

Глаза Валентины от беспокойства стали почти идеально круглыми, что сделало ее похожей на испуганную сову.

– В порядке.

– Саш, какие-то проблемы?

– Да нет никаких проблем! – досадливо отмахнулась я от

настойчивых расспросов и с некоторым облегчением сняла трубку зазвонившего телефона.

К вечеру наступило затишье, и я, нагло соврав, что неважно себя чувствую, отпросилась у Валентины почти на час раньше. Мне просто хотелось навестить в больнице незнакомца.

Я не сразу решилась толкнуть грязно-белую дверь нужной мне палаты. Характерный больничный запах освежил потускневшие со временем воспоминания и воскресил размытые ассоциации. Мое сердце билось так громко, что, казалось, его стук услышал бы любой, находящийся от меня в радиусе метра. Зачем я пришла? Войду и что, вернее, кого там увижу? Что скажу незнакомцу? Нет, не пойду.

– Девушка, а вы стучите громче, вот так!

Невесть откуда взявшаяся бабка-санитарка поднырнула под мою руку и громко три раза стукнула в дверь, после чего, не дожидаясь ответа, бесцеремонно распахнула ее.

– Ну, иди!

Она даже подтолкнула меня ладонью с растопыренными пальцами в спину. И я, сделав глубокий вдох, как перед прыжком в холодную воду, шагнула в полутемное помещение со спертым воздухом.

Палата была на два человека, но одна кровать оказалась застеленной. А на той, что стояла возле окна, лежал накрытый до подбородка одеялом молодой мужчина. Погружен-

ный в нездоровую дрему, он не услышал шума открывающейся двери и не отреагировал на мое появление. Я нерешительно сделала несколько шагов и остановилась в метре от койки. Это был он – Тим. Его профиль. Его плотно сжатые губы, которые я когда-то целовала и которые казались мне слаще малины. Его ресницы – длинные и прямые, как стрелы.

– Тим… Тим? – поддаваясь наваждению, позвала я.

Голос от волнения почти пропал, но парень услышал мой едва различимый шепот и повернул голову.

Наваждение с оглушающим звоном разбилось на осколки, стоило лишь молодому человеку взглянуть на меня. Одурманенная распоясавшимся воображением, я ожидала увидеть морскую синеву, но глаза незнакомца оказались темно-карими. И этот цвет показался мне в свете жестокого разочарования обыденным и скучным.

Мы еще с полминуты молча рассматривали друг друга, после чего парень тихо произнес:

– Добрый вечер.

– Добрый, – смущенно улыбнулась я и пододвинула ближе к кровати дерматиновый стул.

– Меня зовут Александра. Я… Я решила навестить вас, потому что… Потому что беспокоилась. Я была в одной из машин, попавших в то ДТП. Приходила вчера, но мне не разрешили визит.

Он смотрел на меня, часто моргая и пытаясь сконцентри-

роваться на моих скомканных объяснениях. И от его молчания моя неловкость разбухала, будто замоченный в воде горох. Мне хотелось уйти, но просто взять и попрощаться всего лишь через пару минут «разговора» казалось невежливым. Мелькнула запоздалая мысль, что надо было принести гостинец.

– Как вы себя чувствуете?

– Сносно.

Уголки его губ дрогнули в слабой улыбке, которая тоже, как и глаза, у него была своя, не имеющая ничего общего с улыбкой Тима. Сейчас, рассматривая лицо незнакомца, чуть оживленное и измененное мимикой, я видела, что оно не так похоже на лицо Тима, как казалось мне раньше.

Нервно теребя пальцами кожаную ручку сумочки, я судорожно искала, что бы еще сказать ему – незнакомому человеку, который с молчаливым вопросом во взгляде смотрел на меня. И на ум не приходило ни одной свежей мысли.

– Может, вам что-то надо? Книги, фрукты, музыку?.. – задала я банальный вопрос, не найдя других.

И почему-то почувствовала себя виноватой, так, будто это я была за рулем автомобиля, совершившего наезд.

– Нет, спасибо. Я еще не могу читать. Фрукты есть – тоже. Может быть, музыку…

– Я принесу плеер! – обрадованно пообещала я зачем-то, хотя не собиралась вновь навещать этого молодого человека.

– Спасибо, – со слабой улыбкой поблагодарил он.

А я, оглянувшись на шум открывающейся двери и увидев входящую медсестру, воспользовалась ситуацией, чтобы попрощаться:

– Не буду мешать. Мне уже пора.

Я вышла из госпиталя и зашла в первое попавшееся кафе. И когда усаживалась за столик, услышала писк мобильника в сумочке.

– Сашенька, это Мария Федоровна, – раздался в трубке знакомый чуть скрипучий голос, которому я несказанно обрадовалась.

– Мария Федоровна! – воскликнула я, но тут же тревожно спросила, потому что звонила она мне очень редко: – Что-то случилось? Как вы?

– А что со мной, старой перечницей, может случиться? – засмеялась старушка мелким дребезжащим смехом. – Все у меня в порядке. Звоню вот, чтобы сказать, что мой телефонный номер поменяется. Запиши, пожалуйста.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась я, доставая из сумочки ручку и беря салфетку.

Старушка продиктовала мне новый номер телефона, посетовала на телефонную станцию, зачем-то решившую поменять номера в их районе, рассказала немного о своих стариковских делах, поинтересовалась моей жизнью и, довольная нашим коротким разговором, попрощалась.

Я внесла ее номер в память мобильника, скомкала ненуж-

ную салфетку и бросила в пустую пепельницу на столе. Возле моего столика уже нарисовалась официантка, но не успела я сделать заказ, как мой мобильный вновь зазвонил. На этот раз – Лелик.

– Мартышка, что случилось? Как ты себя чувствуешь? Я приехал за тобой на работу, но твоя начальница сказала, что отпустила тебя домой, потому что ты плохо себя чувствовала.

Проницательный мой! Золотой! Ну почему, почему я не влюблена в тебя?

– Э-э… Со мной все в порядке, – постаралась успокоить я Леонида.

– Где ты? Я сейчас топчусь перед твоей дверью, но ты мне не открываешь.

– Я не дома, а в… кафе, – с некоторой запинкой призналась я.

Говорить о том, что навещала в больнице сбитого вчера пешехода, не хотелось.

– Где это кафе находится? Сейчас приеду!

Я вздохнула, набрала в легкие воздуха, чтобы отказать Лелику, но в последний момент передумала – хватит упиваться грустью. И назвала ориентиры кафе.

– Скоро буду, – лаконично ответил Леонид и отключил вызов.

А я наконец-то сделала заказ:

– Кофе, пожалуйста, и пирожное какое-нибудь.

– У нас большой выбор пирожных, – с гордостью отрапортовала молоденькая, лет восемнадцати, девчушка с крупными веснушками на белокожем лице. Две смешные рыжие косички торчали из-под ее «фирменного», с логотипом кафе, берета.

– На ваш вкус, – устало ответила я.

– Шоколадное, коньячное, клубничное, яблочное, с мороженым, – принялась бодро перечислять официантка, не вняв моей просьбе «на ваш вкус».

– Давайте клубничное, – сдалась я.

И, когда девушка упорхнула выполнять заказ, достала из сумки детектив в мягкой обложке и попробовала сосредоточиться на чтении.

– Ваши кофе и пирожное, – уже через пару минут раздался голосок девушки, обслуживающей мой столик.

– Спасибо.

Я оторвалась от книги и, мельком скользнув взглядом по кафе, заметила, что одна из официанток за стойкой, женщина без возраста, рассматривает меня. На секунду мы встретились с ней взглядом, и она поспешно отвернулась, сделав вид, что занята кассой.

Я старалась смаковать сюжет книги, как клубничное пирожное, но книжные слова вязли в моих мыслях, как в сиропе, их смысл так и оставался для меня нераскрытым. Прочитав трижды один и тот же абзац и так и не вникнув в написанное, я закрыла книгу и отложила ее на край стола. Нето-

ропливо доела пирожное и заказала еще кофе. И в тот момент, когда проворная официантка ставила на мой столик чашку, в кафе вошел Леонид.

– Привет, Мартышка! Это тебе.

Он вручил мне обязательный букет темно-бордовых роз и присел за столик. Девушка в фирменном берете тут же поинтересовалась, что принести ему.

– Тоже кофе. Только черный и без сахара.

– Изменяешь привычкам, – усмехнулась я, зная, что Леонид обычно предпочитает чай.

– Бывает, – рассеянно ответил он и с тревогой посмотрел на меня: – Как ты? И что тут делаешь?

– Я – нормально. А что делаю… Как видишь, кофе пью.

– Твоя начальница сказала, что ты заболела.

– Предлог. На самом деле мне надо было навестить приятельницу, которая лежит в больнице.

Отговорка придумалась как-то сама собой, быстро и почти достоверно. Лелик, похоже, поверил, потому что кивнул. Вновь, как мне показалось, рассеянно. Он вообще сегодня был не похож на себя, не сосредоточен, не внимателен, даже забыл, как обычно, поцеловать меня при встрече в щечку, заметно нервничал, ерзал на стуле и за пять минут нашей встречи успел трижды глянуть на наручные часы.

– Торопишься? – прямо спросила я его.

– Тороплюсь? Куда? – в изумлении вытаращился на меня Лелик.

– Ну, не знаю.

– Никуда я не тороплюсь! Я это… Хотел сказать… Тебе нравятся розы, Мартышка?

– Нравятся, но куда интересней были бы кактусы.

В этот раз моя обычная шутка вызвала у Леонида странную реакцию. Он занервничал еще больше, заерзал на стуле, а его щеки покрылись неровными пятнами яркого румянца.

– Хотел купить тебе кактусы, но в магазине из всех цветов в горшках была только герань. Ты же ведь не любишь герань?

– Не люблю.

– И я купил розы…

– Лелик, что случилось? – прервала я его нелепые оправдания.

Похоже, у Леонида проблемы в бизнесе.

– Нет, ничего. Или нет, да, случилось, но ты не волнуйся, ничего страшного. Это я просто… Нет, не так. Болван, не так! – воскликнул он неожиданно громко, так, что обе официантки повернулись в нашу сторону.

– Тише, Лелик, – шикнула я. – Скажи спокойно, что с тобой?

– Обещай, что не будешь перебивать! – потребовал он.

Затем одним глотком допил остывший кофе, поморщился от его горечи и, отставив пустую чашку, внимательно посмотрел мне в глаза.

– Я знаю, как ты относишься ко мне, – начал он с торжественной серьезностью, заставившей меня невольно улыб-

нуться. – Не смейся, пожалуйста.

– Извини. Я не смеюсь.

– Саша… Александра, я повторяю, что знаю, как ты ко мне относишься. Говорю это тебе для того, чтобы ты не подумала, что я заблуждаюсь насчет твоих чувств ко мне. Ты мне уже как-то говорила, и я запомнил. Но сейчас мне неважно то, что ты меня не любишь так, как мне бы этого хотелось. Правда, неважно. Саш, я хочу, чтобы ты была счастливой, и постараюсь сделать все возможное для этого.

– Лелик…

– Не перебивай! Я же просил.

Он сделал паузу и, морща лоб и глядя мне прямо в глаза, четко и громко произнес:

– Саш, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Пожалуйста, не говори сейчас ничего. Просто подумай, реши и потом уже скажи. Но не сейчас, не сегодня.

Он суетливо полез в карман пиджака и достал маленькую коробочку.

– Это кольцо. Пусть оно будет твоим, независимо от того, какой ответ ты мне дашь. Мартышка, я очень хочу, чтобы ты стала счастливой! Я могу это сделать. Ты же знаешь, что у меня много возможностей. Со мной ты будешь как за каменной стеной. Я буду любить и холить тебя, как принцессу…

Я слушала Лелика и не слышала, его слова падали, будто в вату. Еще только вчера Лейла предсказала мне предложение от мужчины и настоятельно советовала принять его.

Признаться, я не отнеслась серьезно к словам подруги, но вот уже сегодня Леонид неожиданно предлагает мне выйти за него замуж.

Мы познакомились три месяца назад, когда он зашел в наше агентство купить путевку в Испанию своей бывшей жене. Экс-супруга без всяких проблем отбыла на солнечное побережье, а Лелик взял привычку заезжать к нам ежедневно и привозить мне мелкие подарки – от шоколадок до флаконов с духами. Однажды я приняла его приглашение поужинать вместе, с этого и начались наши странные отношения, в которых не было места даже интимному поцелую.

Да, я догадывалась о его чувствах ко мне. Да, со стороны, видимо, казалось, что у нас роман. Леонид за мной ухаживал, и я принимала его ухаживания. Но, однако, еще в начале нашего знакомства расставила все точки, сказав, что между нами возможны лишь дружеские отношения. Лелик тогда ответил, что ему просто хочется быть со мной. Мне тоже было хорошо с ним, он мне нравился, был забавен и трогателен. По-своему я даже его любила. И если бы он пожелал уйти из моей жизни, переживала бы довольно остро. Но я вовсе не собиралась за него замуж.

– …Мартышка, я понимаю, что прошу о почти невозможном, но вдруг…

Я смотрела прямо на Лелика и не видела его, отключившись от его обещаний и просьб. За барной стойкой маячила официантка, которая усиленно делала вид, что занята рабо-

той, но жадно внимала каждому слову Леонида и, когда думала, что я на нее не смотрю, бросала на меня любопытные взгляды. Бесплатный спектакль, сериал «Просто Мария» и «Богатые тоже плачут», небольшое развлечение в ее однообразной работе.

– Мартышка, ты меня слышишь?..

– Слышу, – эхом отозвалась я.

И вновь случайно перехватила взгляд официантки, чье лицо мне неожиданно показалось смутно знакомым. Но, впрочем, лицо у нее было самое обычное, не запоминающееся именно тем, что обладательниц таких простых и неинтересных лиц можно встретить где угодно: в метро, в магазине, на улице.

– Подумаешь? – продолжал расспрашивать-уговаривать меня Леонид.

– Подумаю, – на автомате пообещала я ему.

Лелик воодушевился, подозвал молоденькую официантку с веснушками и к счету за наши заказы приложил щедрые чаевые, перекрывающие стоимость трех чашек кофе и клубничного пирожного.

– Приходите еще! – обрадованно воскликнула девчушка.

– Придем, – усмехнулась я, понимая и разделяя ее радость.

А когда мы с Леонидом выходили из кафе, я спиной почувствовала взгляд. Оглянувшись, увидела, что за нами через стекло следит вторая официантка. Для того чтобы лучше

рассмотреть нас, она даже подошла к окну. Но, заметив, что я оглянулась, ушла в глубь кафе.

– Что-то не так, Мартышка? – обеспокоился Леонид.

– Нет-нет, просто показалось… Мне кажется, будто я уже видела эту официантку.

– Может, она была твоей клиенткой?

– Может быть, – согласилась я и нырнула в салон джипа, пропахшего туалетной водой Лелика.

III

Место было незнакомым, но в то же время меня не покидало смутное ощущение, будто я здесь уже была – в другое время, в другой ситуации.

Я шла по крутому берегу реки, по самой кромке обрыва, рискуя оступиться и упасть в неестественно синие, будто подкрашенные акварелью волны с картинными зефирными шапками. И видимо, из-за того, что вода оказалась окрашена в такие живые сочные краски, не возникало чувства опасности и падение не казалось убийственным. Здесь, в этом мире, настолько дышащем жизнью, не оставалось места мыслям о существовании смерти.

Я огляделась и с наполняющей душу теплой радостью убедилась, что и трава здесь куда насыщенней того зеленого цвета, к которому я привыкла в повседневности, и солнце – не просто желтое, а самое что ни на есть золотое, и сахарные облака – настолько ослепительно-белые, будто их предварительно постирали в отбеливающем порошке. Утрированные цвета, они могли бы показаться ненастоящими из-за своей насыщенности, но не возникало и тени сомнения в том, что именно такими, без примесей других оттенков, они и должны быть в оригинале.

Нет, я, определенно, уже когда-то была здесь, только вот когда и при каких обстоятельствах – забыла. Я наморщила

лоб, но все, что мне удалось припомнить об этом месте, – это черная коряга, валяющаяся посреди бесконечного заснеженного поля, кривыми переплетенными ветвями напоминающая многорукого монстра. Ни реки, ни неба, ни золотого солнца в *том* раз не было, но оставалось странное ощущение, что поле с корягой имеют прямое отношение к этому месту, в котором я сейчас оказалась.

На мне было легкое летнее платье, и теплый ветер фривольно раздувал его. Я, отвечая заигрываниям ветра, смеялась и придерживала руками подол. Счастье, легкое и искрящееся, подобное пузырькам шампанского, наполняло мою душу и тело, и я почти не чувствовала ног, мне казалось, будто я парю над обрывом, и стоит раскинуть для равновесия руки и слегка оттолкнуться от земли носком туфельки, как долечу до облаков.

Впереди меня ждало что-то очень желанное – словно подарок после новогоднего бокала с шампанским. И я, упиваясь этим счастьем ожидания, раскинула руки и запела песню, ни слов, ни мотива которой раньше не знала, но сейчас и ноты, и слова выходили у меня так органично, будто песня долго и тщательно репетировалась.

Завидев впереди дерево с роскошной кроной, отбрасывающей сочную, как и все здесь, тень, я оборвала песню на полуслове и направилась туда. Под деревом, прислонившись спиной к многовековому стволу, сидел мальчик лет трехчетырех с золотыми кудрями и тугими, как спелые ябло-

ки, румяными щеками. От мальчика, пышущего здоровьем и добром, как горячий ломоть деревенского хлеба, исходило столько позитивных флюидов, что я остановилась и собралась присесть рядом с ним под деревом.

– Не садись! – вдруг звонко закричал мальчик, настолько неожиданно, что я вздрогнула. – Это *его* место!

Ни спорить, ни задавать вопросов я не стала, просто оправила подол платья и отправилась дальше. Я шла долго, но внезапно почувствовала, что мне надо остановиться. И в ожидании села прямо на траву.

– Смотри, какая сочная! – раздался у меня за плечом голос, которому я нисколько не удивилась.

Оказывается, именно его я и ожидала услышать. Уже зная, кого сейчас увижу, с улыбкой оглянулась.

– Чувствуешь, как пахнет? – Тим присел рядом со мной на корточки и приблизил к моему лицу сложенные ковшиком ладони, в которых лежали спелые, с переливающимися на солнечном свету каплями влаги ягоды малины.

Я молча кивнула и перевела взгляд с ягод на его довольно улыбающееся лицо.

– Бери! – предложил Тим и, не дождавшись моей реакции, пересыпал малину в одну ладонь, аккуратно взял двумя пальцами самую крупную ягоду и поднес ее к моим губам.

Я послушно взяла ее и, покатав языком во рту, раздавила. Сладкий, божественный вкус, мне еще никогда не доводилось пробовать такой ароматной малины.

– Еще? – заглянул мне в глаза Тим.

– Ты не умер? – вырвалось у меня, хотя собиралась спросить его о другом.

– Умер? – засмеялся он, поднося к моим губам очередную ягоду. – Нет, конечно! Как я мог умереть?

– Тогда почему ты не со мной?

Вкус ягоды вдруг показался мне сладко-соленым.

– Я с тобой, – серьезно ответил Тим и попросил: – Не плачь.

– Я не плачу.

– Твоя душа плачет. Это плохо.

– Что ты об этом знаешь?! – закричала я и следующую ягоду, которую он мне протянул, раздавила в пальцах.

Мне неожиданно захотелось разозлиться на Тима, обвинить его во всем, бросить в лицо упреки, которые я так и не смогла ему высказать. Он изменил мне с вечностью, могла бы я такое простить?

– Знаю…

– Ничего ты не знаешь! Ничего!

Я вскочила на ноги так стремительно, что Тим, не успев отдернуть ладонь с малиной, просыпал ягоды, и теперь те лежали в зеленой траве, такие неестественно яркие, будто разбрызганная бутафорская кровь.

– Ты даже представить себе не можешь!

– Сашка-промокашка, это ты не знаешь, – тихо сказал он. – Но скоро…

* * *

Что имел в виду он под этим «скоро», я так и не узнала, потому что в это мгновение проснулась в своей кровати. Я долго разглядывала сереющий в сумерках потолок и глотала беззвучные, с малиновым вкусом слезы. Тим мне давно не снился. Много лет. Три года? Четыре? Череда снов с ним оборвалась после того, как я уехала из провинциального городка в столицу.

Мне казалось, будто он перестал приходить в мои сны из-за того, что я, стараясь начать жизнь заново, запрещала себе думать о нем. Простил ли он мне это? Я поднесла ладонь к носу. Пальцы едва ощутимо пахли малиной. Тим принес мне малину в знак того, что прощает мне все те дни, складывающиеся в месяцы, когда я старалась не думать о нем. Я же не простила его за измену мне с вечностью.

Я нехотя выбралась из постели и отправилась в душ. Ежеутренний ритуал, строгая последовательность действий: душ, чай с бутербродом, макияж, прическа, рабочая одежда. Что бы сказал Тим, если бы жил сейчас со мной? Противник рамок, привычек, будничной рутины, он бы беззлобно посмеялся и сказал, что я живу скучно. Я и в самом деле живу скучно. Обычно. Если бы нас можно было сравнить с календарными днями, то он был бы праздниками, я – буднями. Видимо, поэтому он и жил так мало, а я все еще жи-

ву: в календаре праздничных дней не сравнительно меньше будничных.

Этот сон вновь толкнул меня в стертые воспоминания, будто в пропасть. До этого всю ту неделю, что прошла после нашей последней с Леликом встречи в кафе, я думала о его предложении и избегала разговора с ним, малодушно уходя с работы на десять минут раньше. Я не знала, как ответить ему – милому, хорошему Лелику, что не готова выйти за него замуж. Но он, похоже, тоже понимал, что отрицательный ответ подведет черту под нашими прежними отношениями, поэтому не звонил мне.

Возможно, уже ругал себя за поспешное предложение и, не звоня и не встречая меня после работы, давал не столько возможность «подумать» мне, сколько оттягивал мой предсказуемый ответ, после которого наши отношения безнадежно зависли бы между закончившимися дружескими и не состоявшимися любовными.

За это время я успела дважды навестить в больнице парня, которого, как узнала, звали Кириллом. Привезла ему, как и обещала, плеер и диски. Во время моих визитов Кирилл несколько оживлялся, но все еще был слаб для разговоров, отвечал односложно, иногда просто улыбкой или кивком.

Вчера, навещая Кирилла в больнице, я застала его спящим и просидела возле его кровати почти час, с нежностью любуясь такими знакомыми чертами. Как когда-то любовалась спящим Тимом: его закрытыми глазами с отбрасываю-

щими тень ресницами-стрелами, четкой, будто вырисованной отточенным карандашом линией подбородка, плотно сомкнутыми губами, гладкой кожей, покрытой легким загаром.

И мне на какое-то мгновение показалось, будто сижу я рядом с Тимом, как сидела бы, если бы болен был он. Но Кирилл проснулся. Его сонные губы тронула чужая мне улыбка, и мой сладкий обман развеялся, оставив горькое послевкусие. Уходя, я решила, что больше не буду его навещать.

Возможно, сегодняшний сон с Тимом был обязан вчерашнему визиту в больницу.

Допивая остывший чай, я вновь подумала о Лелике и о том, что все сроки, отведенные мне на принятие решения, вышли. За эту неделю я уже должна была определиться и дать ответ. Я без аппетита закончила завтракать и решила, что, если Леонид не позвонит мне в течение дня, сама позвоню ему вечером.

Спустившись по лестнице, я обратила внимание на то, что дырочки в дверце моего почтового ящика не чернеют пустотой, а многообещающе манят белым. Газет я не выписывала, писем мне никто не писал, и ящик мой уже давно зарос бы паутиной, если бы в него периодически не кидали рекламные листовки.

Я открыла дверцу, чтобы выбросить «спам», но вместо ожидаемой листовки мне в руки выпал белый конверт. Девственно чистый, без почтового штемпеля, без указания ад-

ресата и отправителя, но аккуратно заклеенный. Я повертела находку в руках, не зная, что с ней делать – выкинуть, не читая, или положить на подоконник. Но в итоге сдалась перед любопытством, торопливо надорвала конверт и вытащила сложенный вчетверо листок формата А-4.

«ЗАБЫЛА УЖЕ?» – гласила единственная надпись, состоящая из вырезанных из журналов разномастных букв. Чей-то розыгрыш? Оригинальная рекламная акция? Или «письмо» было адресовано вообще не мне? Я скомкала конверт и бросила его в корзину, предназначенную специально для рекламных листовок. Но слово «забыла» занозой засело в мыслях. Дело в том, что я абсолютно не помнила, как прожила те три месяца после гибели Тима до моего отъезда в столицу. Тот период выпал из моей памяти, как плохо закрепленные фишки из мозаики, на месте которых остались зияющие дырки.

* * *

Я забыла, что предшествовало поездке, но помню, словно это было вчера, день, когда сошла на перрон шумного Ярославского вокзала, немного растерянная, взволнованная и ошарашенная непривычной суетой. Я приехала в столицу отнюдь не с целью покорить ее, как многие питающие иллюзии провинциалки. Я сбежала в столицу умирать. О Москве когда-то мечтал Тим, поэтому умереть в столице казалось

мне символичным.

Но стоило мне выйти на кипящий незнакомой жизнью перрон, как я тут же забыла о первоначальной цели и малодушно позволила чужому воздуху проникнуть в мои поры, напитать застывшую кровь свежим адреналином и вновь запустить желание жить. То ли сработал инстинкт самосохранения – выплыть в этом бушующем океане другой жизни, – то ли проснулось разбуженное новыми шумами и запахами любопытство.

Я пересекла площадь Ярославского вокзала, спустилась в метро и ловко, как взаправдашняя москвичка, справившись с турникетами, села на радиальную ветку и уехала в Сокольники. О них я слышала от Тима: он, мечтая о столичной жизни, соблазнял меня прогулками по парку, а мне просто нравилось само слово. Со-коль-ни-ки. Я рифмовала «Сокольники-свекольники», чем немало забавляла Тима. И вот, прочитав на указателе среди прочих названий станций «Сокольники», обрадовалась, будто встретилась с хорошим знакомым. Так просто, оказывается, попасть в мечту Тима – зайти в вагон и проехать несколько остановок по прямой ветке.

Парк меня разочаровал. Может быть, потому что он у меня ассоциировался с Тимом и без его общества показался слишком унылым, неоправданно большим и безлюдным. Я сделала круг, вышла к метро и отправилась дальше. Пообедав в «Макдоналдсе», села на первый попавшийся троллейбус и вышла через пару остановок. Долго гулять я не смогла,

потому что сказывалась октябрьская прохлада, да уже начало смеркаться. Увидев вывеску парикмахерской, я толкнула дверь и вошла.

– На стрижку, покраску? На «химию» – запись заранее, – бодро объявила полная тетка в синем нейлоновом халате, маявшаяся в одиночестве в этой маленькой, на два кресла, парикмахерской-забегаловке.

– Нет, я не собираюсь делать «химию», – уверила я ее, стаскивая с головы вязаную шапочку. – Постригите, пожалуйста. И покрасьте.

Свою новую жизнь я решила начать очень по-женски.

– Как подстричь? – парикмахерша взвесила на руке мою гордость – толстую длинную косу. – Кончики подровнять?

– Нет. Стригите. Полностью, – решительно провела я ладонью по основанию косы.

Тетка, стоящая за моей спиной, возмущенно крякнула. В зеркале отразились ее выпученные рыбьи глаза, щедро подведенные синим, и округлившийся в ужасе ярко накрашенный рот.

– Ка-ак? Девушка, вы шутите? Такую красоту… У вас шикарные волосы!

– Стригите, – приказала я. – Как можно короче! И покрасьте. Цвет – на ваше усмотрение, но какой-нибудь кардинальный. Черный, зеленый, фиолетовый, оранжевый. Мне все равно!

Парикмахер открывала и закрывала рот, удивленная

странным капризом клиентки. Волосы у меня действительно были шикарные, предмет зависти сокурсниц: как так отрезать такие густые и длинные волосы и закрасить их натуральное золото фиолетовой или оранжевой краской?

– Я не сумасшедшая, – уверенно сказала я. – Но мне очень нужно это сделать. Я начинаю новую жизнь и прощаюсь со старой. Мои волосы – это часть прошлого, понимаете? Не волнуйтесь, деньги у меня есть, я не уйду, не расплатившись.

Женщина тяжело вздохнула, взяла ножницы и приступила к работе.

Через два часа из зеркала на меня смотрела незнакомка с ультракороткими, по моде неровно выстриженными, словно «выщипанными» волосами, выкрашенными в осенне-рыжий цвет. Новая стрижка шла незнакомке, она открывала высокие скулы и длинную шею, а яркий цвет выгодно подчеркивал аристократичную бледность кожи.

– Косметику чуть-чуть ярче. Румяна там, помаду, – посоветовала мастер, внимательно следя в зеркало за моей реакцией.

Судя по выражению ее лица, она была довольна результатом своей работы, несмотря на то, что сожалела о моей состриженной почти под корень косе. Я осторожно покрутила ставшей необыкновенно легкой головой, незнакомка в зеркале сделала то же самое.

– Ну, как, нравится? – с легким беспокойством спросила парикмахер, потому что я до сих пор не высказала мнения.

– Нравится, – еле слышно прошептала я.

И в памяти возникла ненужная картинка: я лежу на диване, свернувшись уютным клубком и положив голову на колени Тиму. Приглушенно бормочет включенный телевизор, а Тим ласково перебирает пальцами, словно струны гитары, мои волосы и шепчет: «Ты прекрасна, прекрасна. Шелк… Живой шелк. Пожалуйста, не стриги волосы. Пообещай мне, пообещай…»

– Чудесно, если нравится! – улыбнулась женщина.

И в этот момент я заплакала. По щекам незнакомки в зеркале тоже потекли беззвучные слезы, крупные и картинно-блестящие.

– Что?.. Что?.. – запаниковала парикмахер, решив, что причина моих слез – неудачная стрижка. Она бормотала какие-то утешения вроде, что волосы – не зубы, вновь отрастут, и прическа мне к лицу, я с ней похожа на модную француженку, но я мотала головой и вытирала ладонью слезы.

Незнакомка в зеркале делала то же самое, и это нас с ней примиряло.

Эта случайная женщина, с которой я больше не виделась, сыграла в моей жизни значительную роль. Без причины чувствуя себя виноватой в моих слезах, она поставила чайник и достала запечатанную пачку печенья. И там, в маленькой комнатке, отделенной от крошечного клиентского зала выцветшей шторой я, прихлебывая горячий чай и заедая его сливочным печеньем, рассказала свою историю – почему

приехала в столицу и зачем остригла волосы. Никому больше я не говорила о Тиме. В тот день, в той парикмахерской я, вместе с волосами, словно остригла и свои воспоминания.

А та женщина, узнав, что мне некуда пойти, кому-то позвонила, и через полчаса мы с ней уже ехали на окраину Москвы к старушке Марии Федоровне, которая сдавала комнату по божеской цене…

* * *

Завертевшись в рабочей суете, я совсем забыла об утренней анонимке. Но никак не могла перестать думать о предстоящем разговоре с Леликом и привидевшемся сне с Тимом. Эти две не имеющие ничего общего истории из двух разных книг странным образом сплетались в новый сюжет, и сложно было понять, какая из этих линий доминировала. Но я знала, что ведут они к предсказуемому финалу – потере. Отказать Лелику значило потерять его и вновь испытать едкую, как кислота, боль. Пусть и не выжигающую дотла, но все же оставляющую шрамы.

Я вышла с работы и, опять не увидев во дворе знакомого «монстра», поняла, как сильно соскучилась по Лелику. И недавние колебания, связанные с его предложением, предсказание Лейлы, счастливые влюбленные парочки, выбирающие в нашем агентстве романтические туры, вступили в органичный союз и нашептали сумасшедшее решение, под-

крепив его небывалой смелостью. Я достала мобильник и недрогнувшей рукой набрала номер Леонида.

– Лелик, я хочу сказать тебе, что согласна. Если ты еще не передумал, конечно.

Твердый голос, ни нотки кокетства, будто совершала я важную в своей жизни сделку, а не соглашалась выйти замуж за любящего меня человека.

– Что? Что, Мартышка, я не расслышал? Повтори, пожалуйста!

Я вздохнула, прекрасно понимая «хитрость» Леонида насчет «не расслышал», и так же уверенно повторила:

– Если твое предложение в силе, то я принимаю его.

– Мартышка, Саша… – растроганно забормотал Лелик в трубку. – Мартышка, я заеду за тобой. Поедем в ресторан или, если хочешь…

– Нет, не хочу, – перебила я его. – Леня, я приеду к тебе. Позже. Домой.

Сидя в такси и глядя в окно на расплывающиеся разноцветными огнями полуночные очертания города, я думала о том, что еще ни разу не была у Лелика дома. Он, конечно, не ожидал, что я так неожиданно «напрошусь» к нему в гости. Да я и сама от себя не ожидала. Но тем не менее ехала к нему.

Лелик, скорее всего, в это время лихорадочно суетился, пытаясь угадать мои вкусы и желания, готовился к романтической встрече на высшем уровне.

По-правде говоря, мне были безразличны его приготовления. Я не хотела ни блюд из дорогого ресторана, в который Леонид уже наверняка позвонил и сделал заказ с доставкой на дом, ни музыкального фона, ни любовно-клятвенной мишуры слов, которая сопровождала бы ужин, ни бордовых роз в хрустальной вазе. Чего я хотела – это теплого человеческого общества, без лишних вопросов и туманных ответов.

Мне впервые за долгое время захотелось жить. Жить не так, как я живу – равнодушно перелистывая дни, будто страницы отрывного календаря. Мне захотелось, чтобы на моих днях-«листах» появились написанные от руки заметки-планы, ожидания и надежды, которые бы дышали жизнью, а не отдавали лишь мертвой типографской краской.

До этого дня я жила в ожидании встречи с Тимом. Не здесь, а в другом, мной придуманном мире. Но сегодня вдруг подумала, а что, если *того* мира не существует и, уходя из телесной жизни, мы уходим в никуда? И в том «никуда» нет ни встреч, ожиданиями которых мы живем, ни благодати, ни умиротворения, ни слез, ни горя, ни рая, ни ада, а все это есть лишь *здесь*. И мне стало страшно. Страшно не потому, что рано или поздно я уйду в «никуда», а оттого, что мои ожидания окажутся обманом, и *там* меня никто не будет ждать.

Меня ждут здесь – Лелик. Живой, осязаемый, не слишком красивый, но милый. С ухаживаниями, которые ему кажутся романтичными, а мне – избитыми. Близкий, но которого я

держу на дистанции. Любящий, но не любимый. И все же мне дорогой. Мне стали ясны слова Лейлы о том, что брак меня спасет – спасет меня от самой себя, от моего въевшегося в сердце одиночества, от апатии и ожиданий, которые больше подошли бы уставшей и пресытившейся жизнью старушке, чем двадцатишестилетней девушке.

– О чем таком философском вы думаете, барышня, что у вас такое напряженное лицо? – вдруг засмеялся молчавший до этого таксист. – Вы такая красивая, нарядная, на свидание, видимо, едете, а думаете о чем-то совершенно не романтичном.

– Вы окончили курсы по чтению мыслей? – улыбнулась я, и таксист, который рассматривал мое лицо, отражающееся у него в зеркале, удовлетворенно протянул:

– Вот! Уже лучше! Улыбка у вас очень красивая!

– Спасибо, – дежурно поблагодарила я и вновь отвернулась к окну.

Таксист еще что-то продолжал говорить, его низкий голос звучал своеобразным фоном, удивительно вписывающимся в картину огней ночного города, и оттенял мои мысли. Я не нервничала и ничуть не удивлялась нахлынувшему спокойствию. Может быть, так и надо – без нервов, без волнения. Холодная трезвость гораздо лучше, чем чувства, выжигающие душу дотла и превращающие сердце в пепел.

Все оказалось именно так, как я себе и представляла.

Огромная, как аэродром, квартира, в которой каждая мелочь была продумана талантливым дизайнером, торжественно-белая рубашка Леонида и крепкий запах туалетной воды, настолько концентрированный, что я заподозрила Лелика в том, что он от волнения и желания понравиться мне принял одеколонную ванну.

– Проходи, Марты… Александра, – хриплым шепотом пригласил он, не сводя с меня жадного взгляда.

Для нашей встречи я впервые постаралась: явилась не в деловом костюме и не в джинсах и свитере, а в алом платье с прилегающим лифом и развевающейся юбкой до колен, поверх которого накинула длинный светлый плащ. Алые ногти – вместо привычного французского маникюра и помада в тон платью, тщательно уложенные волосы, укладке которых обычно не уделялось столько внимания, туфли на убийственной высоты «шпильке». В этот вечер я не была похожа на себя повседневную.

– Ты такая, такая… – киношно залепетал Лелик, когда я небрежным жестом сбросила ему на руки плащ.

– Какая? – Я иронично приподняла бровь.

Вся сцена была слишком кинематографичной или срисованной с любовных романов, и это меня изрядно забавляло. К тому же алый наряд нашептывал легкомысленное поведение.

– Ты… богиня! – выдохнул Леонид и осторожно, будто я была фарфоровой статуэткой, подхватил меня под локоть и

церемонно проводил в огромный салон.

Я с любопытством огляделась и мысленно поаплодировала и дизайнеру, и Лелику, разделившим мои вкусы. Мне тоже нравилась обстановка без массивной и вычурной роскоши. Органичный ансамбль спартанского минимализма в вещах, прямых линий и сдержанных расцветок.

– Вина? – учтиво спросил Леонид, когда я, следуя «сценарию», опустилась на стул и закинула ногу на ногу.

Еще бы картинно закурить тонкую ментоловую сигаретку, но я не курила.

– Лелик, мы будто в кино играем! – рассмеялась я и откинулась на спинку стула.

Физиономия Леонида вытянулась и вновь напомнила мне продолговатую дыню.

– Смешной какой ты! А вина, да, пожалуй, налей.

Он, не сводя с меня глаз, откупорил бутылку и наполнил бокалы кроваво-темным вином.

– Лелик, давай без тостов, возвышенных речей, клятв и прочей чепухи, – опередила я его, заметив, что он уже поднял свой бокал и торжественно подобрался, готовясь произнести нечто из разряда того, что я перечислила.

– Мартышка, что случилось? – вконец растерялся Лелик.

Возможно, к моим «заслугам», сомнительным, однако, можно было отнести то, что Леонид Николаевич Туманов терялся и тушевался лишь в моем обществе. Вряд ли это было нормой его поведения, иначе он уже давно бы кувырком

слетел с опасной трассы под названием «бизнес».

– Ничего не случилось! – беззаботно отозвалась я и пригубила из своего бокала. – Все по-прежнему, без изменений, потрясений, катастроф, ЧП… Вино, кстати, очень вкусное.

– Без изменений? – тревожно спросил Леонид. – Но по телефону ты сказала…

– А что я сказала? – округлила я глаза. И, увидев, что Лелик вконец растерялся, засмеялась: – Не пугайся, если твое предложение взять меня в жены все еще в силе, то я согласна. Только не хочу вот всего этого… – обвела я рукой накрытый стол и указала на букет роз в простой с виду, но наверняка дизайнерской вазе. – Без торжественности. Пусть будет непринужденный ужин. Как раньше. И треп о фильмах. Или о компьютерных играх. Или о чем-то другом. Но не о планах на будущее. И не о свадьбе. И не о том, как долго ты ждал этого момента, и я наконец… Ну, в общем, ты меня понимаешь.

– Ты невозможная, – обреченно вздохнул Леонид.

– Какая есть. Заметь, ты меня сам замуж позвал, а не я напросилась. Но у тебя еще есть возможность подумать и отозвать свое предложение, правда, действует она только сегодня.

– Саш, не понимаю, ты это все серьезно или шутишь так?

– Серьезно, Лелик, серьезно, – пропела я, наклоняясь через стол к Леониду.

И засмеялась, призывая посмеяться и его. Но он разнерв-

ничался еще больше, покраснел и судорожно отвел глаза. О черт! Забыв о том, что на мне не глухой свитер, а вечернее платье, в которое вырядилась под влиянием шального настроения, я нагнулась через стол к бедному Леониду так, что во всей красе продемонстрировала откровенное декольте. Пожалуй, он прав, назвав меня невозможной.

– Извини, – смутилась уже я и поспешно поправила платье, пытаясь прикрыть грудь.

Леонид сделал вид, что ничего не произошло. Встав, он прошелся по комнате и вновь вернулся за стол.

– Ладно, давай просто выпьем за… Просто выпьем хорошего вина.

Он наполнил наши бокалы, и мы вновь, молча чокнувшись, выпили.

– Есть хочешь? Я заказал в ресторане салаты, мясо и десерт.

– Хочу! – в своем обычном репертуаре отозвалась я. Что-что, а аппетит у меня всегда оставался неизменным.

– Ну, вот и замечательно, – с облегчением вздохнул Леонид.

Блюда оказались отменными: Лелик знал толк в еде. Рестораны с отличной кухней были его слабостью, к которой он приучил за три месяца нашего знакомства и меня.

Мы ужинали молча, как мне того и хотелось. Но когда я покончила с мясным блюдом, Леня отложил вилку и накрыл ладонью мои пальцы:

– Мартышка, хоть ты и просила сегодня об этом не говорить, скажу. Я подумал и решил, что мы с тобой уедем на недельку. Отдохнем, побудем вместе и там уже все обсудим – дату, где, что и как. Хочешь, отправимся в Париж, хочешь – в Лондон. Или в Барселону. Или в Нью-Йорк. А если пожелаешь, то куда-нибудь на экзотические острова. Выбери у себя в агентстве путешествие, самое лучшее, самое дорогое. О финансах не беспокойся, все оплачу. Поедем?

Я не знала, что ему ответить. Он поставил, как на номер в рулетке, на мой ответ все надежды. И я узнала в Лелике себя. Когда-то я тоже как на кон поставила свои ожидания, возложив их на новогоднюю вечеринку в общежитии.

* * *

…Проживая на одном этаже общежития, мы с Тимом сталкивались на кухне почти каждый день. Иногда он предпринимал попытки заговорить со мной, но натыкался либо на мое презрительное молчание, либо, если я была в лучшем расположении духа, на короткие отговорки.

Тим не мог понять причину такого поведения, ведь, по сути, он не сделал мне ничего плохого. Откуда ему было знать, что я ревновала его к популярности, которой он пользовался у девушек, и презирала себя за то, что стала одной из них, смертельно отравленных магией его голоса и утонувших в морской синеве глаз.

Это была странная любовь – незрелая, неожиданная, но серьезная, как первая беременность несовершеннолетней девочки. Я «залетела» этой любовью и долго не могла принять ее, лелея надежды, что она излечится, как весенняя простуда. Добиться глубоких и долгих чувств от человека, вдохнувшего полными легкими дурмана популярности, мне казалось невозможным, а становиться неценным «трофеем» в покрывающейся пылью коллекции противоречило моим принципам. И я сознательно культивировала в себе негативное отношение к Тиму, приписывая ему надуманные грехи и надеясь таким образом излечиться от своей безнадежной «болезни».

Но моя любовь спекалась с кожей, срасталась с сердцем, растворялась в крови, и я вопреки своим желаниям уже жила ею – как дышала воздухом.

За два дня до новогодней студенческой вечеринки я снова столкнулась на кухне с Тимом, прохладно поприветствовала его и торопливо отвернулась к плите, чтобы скрыть вспыхнувший на щеках румянец.

– Ну, как всегда, леди со мной немилостива, – то ли в шутку, то ли всерьез заметил Тим, ставя на плиту рядом с моей кастрюлей чайник.

Я ничего не ответила, лишь пожала плечами и занесла над кастрюлей солонку.

– Смотри, не пересоли, – пошутил он мне под руку.

И словно по заказу плохо завинченная крышка слетела с

солонки, и вся соль ухнула в бульон.

– Блин! – громко выругалась я, а Тим довольно расхохотался:

– Никак влюбилась, Сашка, да?

– Пошел в баню!

– Только что оттуда, – парировал он и провел ладонью по влажным после душа волосам.

– Все из-за тебя!

Я сорвала кастрюлю с огня и в сердцах выплеснула содержимое в раковину. Огорчил меня не столько испорченный бульон, сколько то, что Тим своей шуткой про влюбленность попал в самую точку, и мои щеки заполыхали еще ярче, рассказывая о моих чувствах так доходчиво, как букварь – первокласснику о букве А.

– Саш, ну извини…

– Отстань… – махнула я рукой и, забыв кастрюлю на столе, вышла из кухни.

– Заходи, я тебя чаем угощу! – полетело мне вслед. – В качестве компенсации за испорченный суп.

Я проигнорировала реплику, хотя внутри все обожгло от радости и надежды, затрепыхавшейся в груди глупым воробышком.

С кухни я отправилась не в свою комнату, а в душ и там, пустив воду на всю и глядя в заляпанное зубной пастой зеркало, попыталась прийти в себя. В зеркале отражались пунцовые от румянца щеки, а шум воды с трудом заглушал лихо-

радочные удары сердца. Немного успокоившись, я умылась холодной водой и выскользнула из душевой комнаты.

– Ты где была? – встретил меня удивленный вопрос соседки Марины, когда я вернулась к себе.

– На кухне. А что?

– «А что?..» – передразнила она меня. – Тебя тут искали. Поклонники.

– Что, прямо так и прискакали целым табуном? Или одного главного жеребца прислали? – невесело пошутила я.

– Ну, это смотря что, вернее, кого ты предпочитаешь, – скривила в ироничной усмешке губы Марина. – Лазарин заходил, принес для тебя вот это.

Она протянула мне шоколадку. Я недоверчиво взяла подарок и перевела недоуменный взгляд на расцветшую майской розой довольную соседку.

– Между прочим, он спрашивал, будешь ли ты на вечеринке и придешь ли на новогодний концерт. Ой, Сашка-а, не так ты проста, как кажешься. Впрочем, простой ты тоже не кажешься, если честно, на кривой козе к тебе не подъедешь.

– Это еще почему? – почти обиделась я.

Несерьезно, потому что грудь уже затопила жаркая радость, от которой перехватывало дыхание: Тим спрашивал, буду ли я на празднике!

– Потому! Потому что вот такая ты «гордячка».

Она, изображая меня, задрала кверху нос и состроила рожицу, которая должна была означать высокомерие. Получи-

лось это у нее так смешно, что я расхохоталась.

– Лазарин на тебя глаз положил, похоже. Иначе с чего бы ему приглашать тебя на концерт и интересоваться, будешь ли ты потом на вечеринке?

Мне хотелось сказать Марине правду, что таким образом Тим замаливал свою оплошность, но я переборола себя и загадочно улыбнулась:

– Может быть.

Слова Марины о том, что Тим неравнодушен ко мне, не выходили из головы и подогревали надежды, которые я возлагала на предстоящую вечеринку. Я решила выкинуть белый флаг и «завязать» с «холодной войной», которую вела не против Тима, а против самой себя.

Сценарий мероприятия был прост, как медная монета: вначале – импровизированные застолья в комнатах, потом – общая для всех дискотека под магнитофон в закутке за кухней.

Я быстро сбежала из-за накрытого стола в нашей комнате, оставив Марину болтать с двумя приглашенными сокурсницами. Но и на дискотеке мне тоже быстро наскучило, потому что там не оказалось Тима.

Я ушла и еще долго бродила по узким коридорам общежития, спускалась и поднималась по лестницам, стояла на лестничных площадках, опершись о перила.

Потом, устав бродить, сидела на подоконнике между эта-

жами и курила. Иногда ко мне кто-то подсаживался и завязывал разговор. Я отвечала с неохотой и односложно. А когда уж совсем загрустила, вновь отправилась в полутемный закуток, откуда еще доносилась музыка, но по пути зашла на кухню, чтобы выпить воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.